

Одна история в Олениче. Часть II. Продолжение. Воля отца.

Глава II.

Я не мог поверить, что брат позволяет ТАК и ТАКИМ тоном разговаривать с матерью. Прежде и за куда меньшее давно б получил от неё по губам. Впрочем, сегодня Яр уже делала с мамой вещи и похуже...

Мало того, мама послушно стащила через голову свою рубаху и откинув её в сторону, всё так же с опущенной вниз головой, шагнула ко мне. Её груди восхитительно заколыхались. Я с вожделением впери́л взор в её бёдра... И просто не мог поверить в происходящее..

— На колени, мама... , — прошептал уже каким-то другим властным, но не злым, голосом Яр, — поцелуй, своего мальчика..

Я готов был умереть со стыда, хоть моё естество и разрывало от желания. Господи..

Мама ни на миг не заколебавшись, опустилась передо мной на колени... Я вздрогнул, когда её мягкие тёплые ладошки коснулись моих колен и медленно раздвинули их в стороны. Мама сидела между моих ног, моя напряжённая булава смотрела ей прямо в лицо..

— Кирушка... , — прошептала мама, широко распахнутыми глазами глядя на мой разбухший вздыбленный член — прости меня, сынок. Я ведь и не мыслила, что тебе так сильно нужна женщина..

Я охнул от этих слов. Невыносимо хотелось схватить мамину голову, податься бёдрами вперёд и насадить её рот на своё возбуждённое мужское естество. Но что-то во мне ещё упорно сопротивлялось этому..

— Господи, брат, да разве потребно это? Разве можно собственную мать в рот, словно, гулящую девку какую? — выдавил я со вздохом.

Яр потрепал меня по щеке:

— Ну, может и нет... Но не думай об этом. Она ж тем более, что очень уж провинилась перед тобой, пускай теперь исправляется. Да и, поверь, уста её больно сладкие... Не пожалеешь... Умеет, чертовка, ублажать губками и языком, — он хмыкнул, — да и, неужто, тебе не хочется засунуть матери в рот член?

Я промолчал. А что тут говорить? Конечно, хотелось..

Мама меж тем, не дожидаясь конца нашего разговора, нежно поцеловала меня в живот, провела языком по коже, так что я задрожал. Потом поцеловала ещё раз, потом уже ниже, а после её мягкие влажные губы коснулись возбуждённой головки моего копья. Это было подобно вспышке молнии. И словами этого не рассказать..

Я не мог в это поверить... Не мог. Мама медленно покрывала моё древко мягкими влажными поцелуями... И я сатанел от желания. Меня просто распирало от вожделения.

Яр с улыбкой наблюдал за мной. Он был прав, мамины уста были очень очень сладкими.

Словно заправская шлюха из хмельного дома, мама принялась нежно и тщательно вылизывать мой член и яйца. Я дрожал от сладострастия, чувствуя теплоту её губ и языка. А когда её маленькие пальчики принялись осторожно массировать моё древко и перебирать мои яички, мне показалось, что я оказался на седьмом небе.

— Вот видишь, — добродушно хохотнул Яр, — настоящая кудесница, да? Чего ты ждёшь, Кир? Обхвати её голову и насади на своего богатыря... Не жале́й её!

Я замешкался, осмысливая его слова и Яр нетерпеливо добавил:

— Да, пойми ты, Кир, — она же женщина! Это её обязанность! Тебе уже 15! Ты уже не мальчик, а отрок! И это значит, что теперь её материнский долг перед тобой иной, чем прежде! Старайся более не думать о ней, как о матери, Кир!, — он усмехнулся, — во всяком случае ночью...

Но всё-равно я колебался... Это же была моя мать!

Яр хохотнул:

— Ладно, братец... Если уж ты такой хороший добрый сын, то сделаем так... , — он вздохнул, — пойми... Отныне, и днём вы обязаны быть добропорядочными сыном и матерью, согласно всем обычаям, но ночью долг матери лечь в твою постель твоей наложницей!! И это уже тебе решать, а не ей, как ты будешь её брать, как добропорядочную матрону или продажную девку, — он похлопал меня по плечу, — и в конце концов, отрок, ты что, не можешь доказать своей матери, что стал настоящим мужчиной, а не слюнтяем-евнухом?, — Яр расхохотался.

Его слова меня несказанно распалили. Хотя, нет... Что его речи? Губы и язык матери, вот что утопило во мне остатки разума..

Уже не думая ни о чём, кроме её мягких и нежных уст и того наслаждения, что могут они подарить, я схватил голову матери, утопая пальцами в пушистых густых волосах, прижимая её голову к своим бёдрам.

Я почувствовал, как пухленькие аккуратные губки мамы податливо разомкнулись, скользя по моему древку... Мама и не думала сопротивляться моему напору... Её нос упёрся в мой пах. На несколько мгновений, находясь на седьмом небе от наслаждения, я так и замер, прижимая голову матери к своим бёдрам, со своим членом глубоко в её горле.

— Мама... Мама... , — сорвалось с моих губ, — я люблю тебя, мама..

Мама поперхнулась, сдавленно всхлипнула и дёрнулась на члене.

Я отпустил её. Со смачным чмокающим звуком мой член, мокрый от маминой слюны, выскользнул из её рта. Мама закашлялась, судорожно задышала. Я милостливо позволил ей отдышаться.

— Ну, как он тебе, мам? Как, по-твоему, Кир уже стал мужчиной, а? — хмыкнул Яр, нежно поглаживая маму по волосам.

Я более не понуждал маму. Она всё делала сама. Её голова равномерно поднималась и опускалась между моих ног, её глаза были закрыты, а язычок проворно бегал по всему возбуждённому древку.

Сосала мама медленно, неподдельно нежно, что называется с душой, иногда вынимая мою булаву изо рта и старательно облизывала ствол и головку. Одной рукой она гладила моё бедро, второй ласково перебирала мои яйца. Я был наверху блаженства.

Яр с улыбкой взирал на меня:

— Да, братец, это женщина. Эт тебе не с молодками зажиматься по углам, да щупать их за тити, — весело приговаривал он, — господи, Кир, да перестань ты уже себя сдерживать! Не церемонься ты с ней! Возьми ты её за голову, да засади ей по самые гланды, посмотрим заодно сколько она может заглотить.

Не знаю, что заставило меня последовать совету брата. Замирая от благовейного ужаса, но с невероятным удовольствием я взял мать за голову и удерживая её за затылок, с силой насадил её алый ротик на свою возбуждённую булаву. Мама смиренно распахнула свои уста мне навстречу, и не помышляя сопротивления.

Она застонала.

Всё что она теперь могла делать, так это лишь тихо мычать, ибо я крепко держал обеими руками её за голову, с силой насаживая её горячий податливый рот на свой возбуждённый член.

Я даже закатил глаза от блаженства. Рот взрослой красивой и опытной женщины... Рот моей матери... Я всё никак не мог поверить в то, что это происходит со мной наяву. Особенно в то, что мать совсем не противится этому, а послушно исполняет все мои прихоти.

Дрожь прошла по моему телу и я почувствовал, что, словно вулкан, готов мощной струёй излиться в материнский рот.

— «Брат,, — простонал я, брат, а мне можно излить своё семя ей в рот?»

Яр тихо рассмеялся:

— Да, Кир... Тебе теперь можно делать с ней всё, что угодно... Но не сейчас...

Внезапно, он взял мать за волосы, потянул её голову назад и снял её рот с моего члена. Я недовольно посмотрел на него.

Яр покачал головой:

— Ты дико возбуждён, братец! Думаю, не стоит тратить столько семени впустую... Это семя должно принять материнское лоно... Мама, стоявшая на коленях, казалось, была готова расплакаться:

— Яр, — взмолилась она, — уже второй мой сын собирается оросить моё лоно своим семенем... А как же Таинство? Это грех!

Я недоумённо воззрился на брата. Меня начинала разбирать злость, — возбуждение было невероятным, я просто изнывал. Моя мать, которая могла утолить эту жажду, голенькая и доступная, сидела на коленях у моих ног... Я не хотел вернуться в её рот немедленно.

— Обряд Таинства, брат... , — пожав плечами, проговорил Яр, — без этого обряда её лоно по-прежнему священо и неприкосновенно для тебя. Это лоно твоей матери... И этот грех, не бойся, ложится не на мать, а на тебя., — он хмыкнул, — я, думаю, наш батюшка тебе его отпустит... Но если ты хочешь ждать, конечно.. Нет, ждать более я не мог!

— Мама... Мама... — зашептал я, потянувшись к её телу.

Мама испуганно отпрянула было назад, но Яр оказался быстрее. Он догнал мать, и легко повалил её на пол, на мягкую шкуру, прижимая её запястья к полу.

— Давай, братец, — горячо прошептал он мне, — иди и возьми свою мамочку! Подари ей свою невинность!

Я склонился над лежащей матерью, бессильно трепыхавшейся, словно бабочка, удерживаемая Яром.

Она попыталась свести ноги вместе, — и это отняло у меня какое-то время, — вдобавок, ко всему она двигала из стороны в сторону бёдрами, всячески мне противясь. Но это только меня распалило. Яр снисходительно мне посоветовал закинуть её ноги себе на плечи..

Я с силой раздвинул бёдра мамы в сторону, и сжав её лодыжки, поместил мамины ножки на своих плечах. Мать снова с мольбой посмотрела на меня... Но мне уже было наплевать, что она там молит у меня. Я вождедел только одного, наконец-то слиться с ней воедино в любовной схватке.

Я навалился на мать всем телом, прижимая её своим весом к полу, чувствуя, как она подо мной беспомощно дрожит и всхлипывает. Я потянулся губами к её устам, но она отвернула голову в сторону..

Сжимая в кулаке своё любовное орудие, я направил его в трепещущее материнское лоно... И через миг мать познала плоть своего младшего сына...

Она вскрикнула, принимая меня, забилась подо мной раненой птицей, ибо слишком уж был я возбуждён и нетерпелив. Но я не нашёл в себе сил остановиться и всё протискивался в её нежную горячую узкую щель, пока не достиг дна... Мои яички тихо шлёпнулись о бёдра матери. Ножки матери на моих плечах напряглись, её бёдра потрясала дрожь... На несколько мгновений мы так и замерли, в объятиях друг друга, тяжело дыша.

— Какой ты огромный!, — прошептала мать, глядя мне в глаза широко распахнутыми глазами, — настоящий богатырь! Мой младший сын вырос и стал настоящим мужчиной!

Я чуть не застонал от желания, настолько возбудили меня эти слова. Медленно, с чавкающим звуком, я извлёк член из матери и тотчас, снова, с резким мощным толчком вновь вогнал его в лоно матери. Она снова вскрикнула. Пронзительно и жалобно..

— О, господи, мой мальчик... Да... Да... Да... Ты стал, наконец, мужчиной! Да, ты доказал это своей мамочке... Ох... Ещё как доказал, моё солнышко ясное... Но остановись... Я не хочу, чтобы грешил из-за своей страсти ко мне... Сначала, Таинство, сокол мой ясный..

Но я её не слушал. Всё быстрее и быстрее я качал своими бёдрами, сотрясая тело матери мощными короткими толчками, так что шлепки от ударов наших бёдер друг от друга раздавались на всю комнату. Я был слишком возбуждён, чтобы продолжать так долго..

Громко застонав, я обрушился на мать со всей силы, изливая в её податливое лоно потоки семени... Мама только тихонько всхлипывала, подаваясь бёдрами навстречу мне... Это длилось, наверное, долго.

— Поздравляю, Кир, — прервал меня весёлый голос Яра, — ты стал мужчиной! Теперь поцелуй за это свою мамочку!

Я послушно потянулся к маминым устам. По-моему, у неё просто не было сил, чтобы мне сопротивляться. Её мягкие влажные губы приоткрылись и я впился в них долгим пылким поцелуем... Она не ответила мне, но и не сопротивлялась.

Насладившись своим первым поцелуем с женщиной, я без сил свалился на бок, развалившись рядом с мамой на медвежьей шкуре.

Всё в моей душе ликovalo! Да! Я стал мужчиной! Я был несказанно горд собой! Подобного блаженства я в жизни не испытывал! Каждая клеточка тела просто сочилась истомой.

Заложив руки за голову, я развалился на спине, уставившись в высокий потолок.

Яр взъерошил мне волосы. Матери отдохнуть он не дал:

— Мам, давай, отблаговари что ли теперь сына за обильное возлияние в твоё лоно... , — он взял её за волосы, заставляя сесть передо мной на колени между моих ног, и склонил её голову к моему поникшему мужскому орудию, — давай, поиграй, с ним язычком..

Мать послушно взяла мою уставшую булаву и принялась её нежно вылизывать. По моему телу пробежала приятная дрожь.

Яр улёгся на боку рядом, лицом ко мне:

— Ну, теперь, ты понял для чего нужна мужающему отроку мать?

Я счастливо кивнул, с благодарностью посмотрев на неё.

— То-то... , — добродушно хмыкнул Яр, — старшего брата надо слушать... А то мямлил тут, — мама, да мама..

Мы вместе весело рассмеялись. Мама меж тем самозабвенно трудилась между моих ног, обеими ручками оглаживая и лаская мои яички и обмякший ствол, тщательно вылизывая и

обсасывая мою вялую булаву. Я чувствовал, как её юркий проворный язычок гуляет по моей коже.

Преисполненный блаженства я расслабленно лежал, тихо перебрасываясь с братом ничего не значащими фразами, глядя, как пушистая головка матери мерно поднимается и опускается между моих ног.

Очень скоро я почувствовал, как моё копьё, благодаря материнской ласке, вновь наливается кровью, на глазах разбухая и поднимаясь в ручках мамы.

— Да, ты любвеобильный, братец! — снова рассмеялся Яр, — видишь, какая мать кудесница, а? Повезло всё-таки отцу с женой! А, ну-ка, мам, давай, оседлай-ка, Кира, да объезди этого молодого жеребца!

Мама оторвалась от моего члена и приподнялась надо мной, не выпуская мой член из своих рук. Она развела в стороны ножки и медленно принялась опускаться вниз, направляя мой член в своё лоно. Я притянул её к себе..

Опять насадив мать на свой член, насколько это было вообще возможно, я притянул её голову к себе и долго целовал мать, смакуя на вкус её губы. Мама покорно позволяла себя целовать. Её губы мелко подрагивали.

Не знаю, чем я сейчас наслаждался более, — её покорностью моим ласкам, податливости её горячего лона, или вкусу её губ. Моё сердце сжало острое чувство неподдельной любви и нежности к маме.

— Мамочка, я очень-очень люблю тебя... , — прошептал я, — тебе хорошо со мной? Я не причиняю тебе боли?

Мама ничего не ответила. Только закрыла глаза. Я плавно покачнул бёдрами, мама вздрогнула, насаженная на моё копьё..

— Да... да... сынок... , — наконец тихо вымолвила она, — ты хороший мужчина. Твоя жена будет счастлива иметь такого мужчину в своей постели...

Я снова поцеловал её, очень нежно. Её большая упругая грудь была прижата к моей груди так плотно, что я почувствовал какие у неё большие шершавые соски.

Чуть отстранив мать от себя, я с упоением взялся за материнскую грудь. Это длилось долго, — я мял и сжимал сочную плоть, целовал и кусал их, посасывал затвердевшие соски. Раньше, я даже и предположить не мог какое удовольствие может доставить женская грудь. Мама, распираемая изнутри с каждым мигом всё более разбухающим моим членом, только тяжело дышала.

В конце концов, не в силах более сдерживаться, я принялся двигать бёдрами, покачивая мать на себе и не отпуская из своих ладоней её груди... Мама послушно скакала на мне, двигаясь навстречу мне. Это было неопишимо... Я сжал её пухленькие ягодицы в своих руках, с силой при каждом своём толчке, прижимая её бёдра к себе. Я чувствовал, как её горячее лоно истекает соками.

Но продолжалось это не долго. В конце концов Яр, конечно, не выдержал вида открывшегося ему зрелища... А кто бы выдержал? Как тут остаться спокойным, когда перед тобой такое зрелище?

Я увидел, как за спиной матери в темноте выросла его мощная фигура а через миг сильные руки брата придавили мать к моей груди.

Мама испуганно вздрогнула и попыталась оглянуться, но Яр не дал ей этого сделать.

— Лет с тринадцати мечтал трахнуть эту попку, — проговорил он, смачно шлёпая мать по

заднице.

— Ярушка, ну, нет... , — жалобно прохныкала мать, — и так уже имеете меня, как шлюху в хмельном доме. Я ж всё-таки мать Вам..

Яр снова громко шлёпнул её по ягодице:

— Ну-ну, мать... Судьба твоя такая женская... Другая бы радовалась, что сынки у неё богатыри выросли такие сильные да пригожие, а ты только хнычешь... , — руками Яр выпячил назад попку матери и смачно несколько раз плюнул в мамкину заднюю дырочку, — всё, мама, сынки выросли... И теперь ночью от нас одной колыбельной на ночь ты уже не отделаешься... , — он шлёпнул её по попке ещё раз, — мам, ты расслабь попку, расслабь..

Мама, по-моему, готова была расплакаться.

— Ярушка, яхонтовый мой. Сынок... Бог с тобой, бери меня, как хочешь... Но хотя бы по очереди... Ну, не вдвоём же сразу на мать залезите?

Яр даже не удостоил её ответом. Он прерывисто сопел, пристраиваясь сзади к маминой попке.

— Кир, — сказал он только мне, — обними её и сильно держи, а ещё лучше и целуй её крепко-крепко, если ныть начнёт..

Я сделала всё дословно, как сказал брат, с силой прижал мать к себе и снова впился в её губы долгим поцелуем. Мама, казалось, смирилась и сдалась на нашу с братом милость, обмякнув в моих руках. Я жадно целовал её, когда почувствовал, как её тело напряглось в моих руках, словно, струна гусель, — то брат, сжав в ладонях пышные бёдра матери, принялся медленно-медленно ввинчиваться в девственную попку матери.

Мама оторвалась от моих губ и, уткнувшись мне в шею, тихо вскрикнула. Я принялся покрывать её лицо и губы горячими поцелуями.

Брат медленно, видимо, стараясь не причинить маме излишнюю боль, натянул мать на свой член.

Я взял голову матери в руки и приблизив её лицо к своему, жадно приник к её губам пылким поцелуем. Мать вяло мне отвечала.

Яр медленно качал бёдрами, постепенно увеличивая темп и силу своих ударов. Мама только тихо постанывала, двигаясь под толчками брата по мне туда-сюда. В конце концов, и я оторвался от её сладких губ, и принялся двигать бёдрами навстречу толчкам брата, подбрасывая мать на себе.

Мы долго вот так вот накачивали мать с двух сторон. Яр то и дело хватал её за волосы и тянул её голову назад, грубо мял её тяжёлые груди. Или поворачивал её голову набок и накрывал губы матери своими губами.

Мы долго двигались в теле матери практически одновременно, в едином порыве. Мама только тихо постанывала. Но это уже не был стон боли или обиды...

В порыве страсти она жарко отвечала на наши поцелуи, из последних сил двигалась навстречу нам, стараясь сильнее и глубже насадиться на наши члены и... текла... текла обильными горячими любовными соками.

Я уже был на грани извержения, когда Яр громко застонав, схватил мать за плечи и потянув её с силой на себя, стал долбить её со всего размаха с невероятной скоростью... Мама закричала, сотрясаясь в любовном экстазе. Её грудь прыгала прямо перед моим лицом и я не удержался и впился в неё губами, вгрызаясь в упругую сочную плоть..

Волна страсти унесла нас в блаженные дали почти одновременно... Первой не выдержала

мать... Громко вскрикнув, затрепетав в сладострастных конвульсиях, она обессилено упала мне на грудь...

В следующий миг, взорвался и я, изливая в лоно матери щедрую порцию семени..

Яр опять обхватив высокие бёдра матери своими лапищами, сделал ещё несколько могучих ударов, словно, хотел проткнуть насквозь недвижимое поникшее тело матери и излившись в мамину попку, обессилено упал на бок.

Мы так и лежали, тяжело дыша, — мать на мне, и Яр рядом, медленно приходя в себя.

Незаметно я провалился в глубокий сон...

Проснулся я поздно утром... Лежал на кровати, и долго, не мог поверить в то, что случившиеся этой ночью не сон... А ещё он совсем не мог себе представить, как теперь вести себя с матерью..

Когда мама вошла в комнату, она улыбалась. И на ней была та же самая белоснежная рубашка. Она подошла к кровати и взъерошила мои волосы:

— Вставай уже, любовничек. Почти полдень как-никак, иди кушать..

Красный от смущения, как рак, я порывисто сел на постели, не в силах поднять взор на мать:

— Мам, ты не серчаешь?... , — еле выдавил я из себя

Мама легко и тихо рассмеялась:

— Ну-ну, я всё понимаю, мой хороший... Молодость, горячая кровь, — мне ж радоваться даже, наверное, надо, что моё тело вызывает у моих сыновей такие бурные страсти. Да и отец разгневаётся, если к его приезду, я ещё не буду тяжела сыном...

Мама застенчиво потупилась:

— Всё хорошо, сынок. Это мой долг матери... Тебе не за что стыдиться передо мной... Так определено законами Оленича. Это твоё право. И так решил глава нашей семьи, Ваш отец и мой муж.

С тяжело бьющимся сердцем, счастливый, я потянулся к ней, чтобы заключить её гибкий стан в свои объятия. Но мама совершенно для меня внезапно вдруг отпрянула назад и помахала перед моим носом пальчиком:

— Но-но, сын... Никто из Вас больше не притронется ко мне без обряда Таинства! Даже и не думайте. Хватит уже грешить! Да и после Таинства не забывай, — днём я для тебя добропорядочная и честная мать, и только ночью ты вправе от меня требовать, чтобы я поделила с тобой твоё ложе!

Я только грустно вздохнул и с любовью взглянул в её красивые бездонные глаза:

— Ничего, мама, я подожду до вечера..

Мама в ответ только застенчиво потупилась.

Продолжение следует.